

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 94 (470)“16/18”

О. Н. Мухин

ВЛАСТЬ/МИФ/ИСТОРИОГРАФИЯ: ЕЩЕ РАЗ О НЕОБХОДИМОСТИ СРАВНЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Рассматривается проблема пересмотра в отечественной гуманитарии взглядов и трактовок «горячих» тем российской истории, основанного на внеучебных – политических и эмоциональных – факторах, как одно из проявлений кризиса исторического сознания общества. Особое внимание уделяется снижению уровня критического отношения к исторической информации, связанному в том числе с распространением интернета. На примере фигуры Ивана Грозного показывается необходимость и возможность верификации выводов в ситуации недостаточной источниковой базы с помощью последовательного применения историко-сравнительного метода. Указываются основные методологические критерии выбора объектов и источников информации для историко-компаративного исследования.

Ключевые слова: *раннее новое время, Иван IV Грозный, монархия, историография, историко-сравнительный метод.*

В связи с особенностями современной политико-идеологической ситуации в нашей стране наблюдается очередной пересмотр оценок ряда ключевых событий и персоналий отечественной истории. Одним из наиболее популярных объектов ре-визии является Иван IV, предстающий в ряде публикаций «оболганным царем», которому, вопреки его замечательным достижениям в качестве реформатора и полководца, необоснованно приписывают патологическую жестокость, психическую неадекватность и убийство собственного сына. Популярным аргументом, приводимым сторонниками «партии» Грозного, является то, что большая часть сведений, порочащих «доброе имя» первого царя, содержится в источниках, авторство которых принадлежит иностранцам (см., напр.: [1]) (немаловажно и то, что самый известный «русскоязычный» критик Ивана, князь Курбский, являл собой типичный образец «национал-предателя»).

Проблема обостряется облегченным в наше время благодаря массмедиа и интернету доступом к информации, снижением критического к ней подхода, а также повышенной склонностью к сенсационности, что, безусловно, способствует мифологизации исторического сознания общества. Вот лишь некоторые примеры, встречающиеся на просторах интернета, которые заставляют историка-профессионала искать дополнительные аргументы в борьбе с упрощением прошлого.

Пользователь Александр Елисеев на портале Newsland, позиционирующемся как «информационно-дискуссионный портал, материалы которого формируют пользователи, размещая интересные новости и публицистические материалы и обсу-

ждая острые политические и социальные темы», пишет: «Для того, чтобы развеять всю ложь про Ивана Васильевича, понадобится целая книга – и не одна. Такие книги выпускаются – русские историки, наконец-то, разогнались, и стали сметать мусор с могилы Великого Государя» [2]. В подтверждение своего тезиса автор эссе ссылается на книгу Александра Тюрина «Война и мир Ивана Грозного». На другом сайте можно встретить самохарактеристику названного «историка»: «Я, Тюрин Александр Владимирович, 1962 года рождения, занимаюсь довольно уже давно литературным трудом. Пишу фантастику (твердая НФ, киберпанк, нанопанк), а также на исторические и футурологические темы» [3].

В другой «иванофильской» заметке [4] есть ссылка на кандидата исторических наук Николая Скуратова, высказывающего приобретающую все большую популярность идею о том, что «страшные сказки о бесчисленных жертвах и невероятных жестокостях принадлежат перу противников Ивана Грозного из числа беглых бояр и проворовавшихся иностранцев, вроде князя Курбского или немца Штадена» [5]. На взгляд Н. Скуратова (оговорюсь, что отыскать иные упоминания об этом историке мне не удалось), «Грозный Иван Васильевич без всякого преувеличения был самым милосердным и мягкосердным из всех европейских монархов XVI века» [5]. Подтверждается эта сентенция ссылкой на Варфоломеевскую ночь, испанский террор в Нидерландах и репрессии в той же Испании в отношении морисков.

Конечно, игнорировать характер источниковой базы по эпохе Грозного нельзя. Действительно,

основную информацию о его личности мы получаем из записок иностранцев или перебежчиков. Если других источников нет, как проверить степень их достоверности, дабы не впасть в пустые препирательства эмоционального характера? Безусловно, лишь с помощью историко-сравнительного анализа.

Перед исследователем, использующим сравнительно-исторический метод осознанно и последовательно (что, кстати, в отечественной историографии, и в особенности в русистике, встречается крайне редко) изначально должны стоять три основные задачи.

Первая – отрешиться, насколько это возможно, от эмоций и априорной оценочности суждений. Стоит задаться вопросами: порочит ли нас правда о прошлом? Ведет ли суровый вердикт в адрес Ивана Грозного к умалению национального достоинства России, и заведомо ли становится ее противником тот, кто стремится познать правду о ее истории? Более того, обязательно ли противоречит отрицательная оценка личности того или иного персонажа выводам об исторической значимости его деятельности? Подобные вопросы, которые, казалось бы, носят риторический характер, на самом деле весьма актуальны в сегодняшней ситуации, общественной и научной. Фактически приходится констатировать живучесть в современном обществе бинарной модели мышления, считающейся базовой характеристикой ментальности общества традиционного, о которой писали многие гуманитарии (важно отметить, что и Ж. Ле Гофф, и А. Я. Гуревич, видимо, преувеличивали успехи Европы в изживании этой модели, которая продолжает функционировать и на Западе, по крайней мере, в отношении «другого»).

При этом для российского общества эта черта особенно характерна, и не только на уровне массового сознания, но и в среде ученой элиты. Как отмечает А. Л. Доброхотов, особенность отношения к историческому прошлому русского сознания заключается в том, что здесь нет ощущения завершенности истории: «Споры ведутся так, как если бы минувшее имело прямое отношение к сегодняшним событиям, ошибки прошлого порождали современные проблемы, а враги и друзья в современной политической борьбе имели прямых предшественников во всех исторических эпохах. На это влияет и сама русская история с ее повторяющимися „сюжетными ходами“» [6, с. 525]. При этом исследователь видит в этом как минусы (в такой ситуации нет необходимой отстраненности от предмета исследования), так и плюсы (создание некоего духовного напряжения, без которого нельзя проникнуть в тайны истории). Последний тезис кажется несколько натянутым, так как «духовное на-

пряжение» такого рода, скорее, мешает исследователям и общественности искать и занимать взвешенную позицию.

Вторая задача – отобразить вызывающие доверие источники и историографические труды. Очень важно помнить, что речь должна идти о максимально широком и разнообразном списке текстов, дающих возможность взглянуть на предмет исследования с разных сторон, авторы которых, пусть прозвучит тафтологично, авторитетны, а информация, в них содержащаяся, признана достоверной сообществом профессионалов.

Те, кто критикует иностранные свидетельства о царствовании Ивана Грозного за предвзятость, игнорируют, умышленно или по незнанию, такой «природный» источник, как письма самого царя Курбскому, в котором он не столько отвергает якобы «измышленные» князем-изменником обвинения в репрессиях, сколько идеологически обосновывает свое право на них. В первом послании Иван прямо заявляет, что честный подданный не должен бояться принять кару от своего монарха, ибо таким образом может заслужить вечное спасение, которого лишается из-за «предательства»: «Почто и апостола Павла презрел еси, яко же рече: „Всяка душа владыкам предвладующим да повинуется, никакая же бо владычества еже не от бога учинена суть; тем же, противляйся власти, то божию повелению проявляется“. Сей отступник имянуется. Инде рече Павел апостол, иже ты сия словеса презрел еси: „Раби! послушайте господ ей своих, не пред очима точною работающе, не яко человецы угодницы, но яко богу, и не токмо благим, но и строптивым, не токмо за гнев, но и за совесть“. Се бо есть воля господня – еже, благое творяще, пострадати. И аще праведен еси и благочестив, почто не изволил еси от мене, строптиваго владыки, страдати и венец жизни носити?» [7, с. 54].

Кроме того, описание жестокого, издевательского отношения первого царя к подданным трудно обнаружить и в отечественных летописях. Так, во время поездки Ивана в Новгород и Псков в 1546–1547 гг. «князь великий государь опалился на псковичь (подавших челобитную на злоупотребления псковского наместника князя Пронского. – О. М.), сих безчествовал, обливаючи вином горячим, палил бороды да свечею зажигал и повеле их покласти нагих на земли» [8, с. 21]. Конечно, «иванофилы» и здесь могут найти слабое место: дело в том, что этот эпизод описан в летописном своде Псково-Печерского монастыря, и его составители могли «оговорить» государя, обидевшего их «сограждан». Но в таком случае вырисовывается картина некоего «вселенского» заговора против «самого милосердного и мягкосердечного монарха». Откуда же нам в принципе черпать сведения о его

правлении и в том числе о том самом «милосердии» и «мягкосердечии», качествах, безусловно, мифологических¹?

Безусловно, и иностранные источники не должны автоматически нами отбраковываться лишь из-за их происхождения. В приведенных выше рассуждениях «иванофилов» мы имеем возможность наблюдать важную особенность попыток сравнения в отечественной гуманитарии. Выходит, что сообщения европейца, рисующего негативный образ, например, Генриха VIII – короля-«Синей бороды», отправлявшего на эшафот своих жен, или Екатерины Медичи, истребившей десятки тысяч гугенотов, вызывают доверие россиян, а сведения его собрата, живописующего ужасы опричнины, заведомо лживы. Не кажется ли это слишком большой натяжкой? Следует заметить, что большую часть информации о последующих российских государях вплоть до Петра I мы также черпаем в основном из иностранных источников, однако жестоким чудовищем изображен почему-то только Иван IV. Могут ли эти нападки быть полностью обоснованными?

Кстати, раз уж так часто можно встретить упоминание Варфоломеевской ночи в качестве упрека «патриотов» от истории в адрес «либерализированных» хулителей первого русского царя, замечу: исследователь обязан подвергать критической перепроверке как раздражающие сведения о дорогом его сердцу отечественном персонаже, так и кажущуюся вполне удобной информацию о зарубежных деятелях, оказавшихся в сходных обстоятельствах. Приведу пару вполне характерных выдержек из трудов признанных специалистов касательно этого безусловно трагического события французской истории раннего Нового времени. С. Л. Плешкова пишет: «Острота конфессионально-политической борьбы во второй половине XVI в., на волне которой появились памфлеты, исторические хроники, поэмы и драмы, заставляла авторов сгущать краски и порой отходить от истины. Особым мастерством отличались французские протестанты-кальвинисты (гугеноты). Их стараниями была создана впечатляющая картина Франции, захлебнувшейся в крови бесчисленных жертв. Ими был вылеплен выразительный образ чужестранки, королевы-матери Екатерины Медичи, коварной и жестокой убийцы французов. Этот образ вытеснил представление о настоящей Екатерине Медичи – женщине-матери с несчастливой судьбой и незаурядным талантом политика. Усилиями протестантов творился один из самых страшных в истории

Франции мифов о чудовищных злодеяниях, совершенных властью против своих подданных, в котором горькая правда смешивалась с вымыслом» [9, с. 114].

А вот отзыв Э. Ле Руа Ладюри: «Было ли убито в эти дни в Париже... 3000, или, быть может, 4000 человек? Историки и сейчас продолжают об этом спорить» [10, с. 238–239]. Представления о десятках тысяч жертв (подтверждение чему сложно найти в специальной литературе), связаны с истреблением гугенотов за пределами Парижа. Французский историк поясняет: «В дюжине провинциальных городов, где в период с августа по октябрь 1572 года прошли свои, местные, варфоломеевские ночи, они принимали форму то городских погромов... то просто массовых избиений, организованных слишком старательными местными властями (как это было поначалу и в столице в первую ночь „длинных ножей“). Однако как в одном, так и в другом случае ни Карл IX, ни его правительство не имели отношения к этим событиям. И уж в том, что касается провинции, умысла королевской власти обнаружить нельзя» [10, с. 239]. То есть следует в обязательном порядке, и в этом нам помогает историко-сравнительный метод, делать поправку на свойственную российскому сознанию (хотя, конечно, не только) винить во всех общественных проблемах конкретных людей, прежде всего правителей.

При этом, заметим, французы не скрывают страшного характера происшедшего. Тот же Э. Ле Руа Ладюри пишет: «Дегуманизация жертв, мужчин и женщин, в глазах их губителей, позволявшая с еще большей легкостью обрекать их на смерть, проявлялась в надругательствах над телами погибших: им вырезались внутренности, отрезали половые органы и т. п. В первую очередь подобному осквернению был подвергнут труп Колиньи. Никакого уважения к тем, кого не хотели считать людьми и видели в них лишь отребья рода человеческого» [10, с. 240].

Так что же? Правы наши «патриоты» от истории, метко подметившие эту «соринку» в глазу так любящих поучать и попрекать нас западных соседей? У историка, профессионально занимающегося отечественной историей раннего Нового времени, это страшное описание тут же вызывает в памяти события стрелецкого бунта, произошедшего через сто лет после Варфоломеевской ночи, опричнины в 1682 г. Перед нами свидетельства, увы, самих россиян. Взглянем на страницы Летописца 1619–1691 гг. Решив убить престарелого боярина

¹ Между прочим, отсутствие в раннее Новое время отечественной традиции политических памфлетов и любых других сочинений, в которых бы содержалась критика в адрес монарха (в отличие от обилия таковых в Западной Европе), сам по себе факт вполне показательный.

Юрия Алексеевича Долгорукого, стрельцы «яша со одра, свергше его с крыльца на землю и, еще ему живу, извлекше за врата, отсекоша ему голову и руке и нозе, над телом же его ругашеся, рагозиною одеша, положите с ним со страны полоть ветчины, з другие рыбу осетра, к ноши же караул поставиша стрещи его» [11, с. 195]. Делалось это, как показали дальнейшие события, для последующего глумления над останками боярина: «Приидоша же и к преждепомянутому двору, иде же лежа тело боярина князя Юрья Алексеевича Долгорукова, и един некто от салдат приступи к тому умерщвленному телу, имый бердыш, удари и разсече утробу его, инии же с ним ругательие бердыши и копии внутренняя его вся извлекаше из чрева его, печень и легкое, аки из скотины, и чревины его по частей копиями моташе, мечюще на землю и псом кидаше. Иный же нападе безумный пияница, нача на ногах своих обуви мазать жиром его и злословяше доволно. Потом же и все тело его издробиша, яко же и на Красной площади вси побие ни быша и обругани; и познати их, кто есть по образу именем, не мочно никому же» [11, с. 195–196]².

Так неужели прославивший тираном неограниченный самодержец XVI в. и его современники и подручные заведомо не были способны на действия, аналогичные тем, что совершались и европейцами, и россиянами на протяжении первых столетий Нового времени (да и гораздо позднее). Что там говорится по поводу бревна в своем глазу?

Третья задача – грамотно выбрать объекты сравнения. Принято различать два основных вида исторических сравнений: те, что нацелены главным образом на выявление различий между сравниваемыми явлениями, и те, которые направлены на понимание общих черт и закономерностей между ними. При этом историки-компаративисты, как правило, используют оба подхода, комбинируя их в тех или иных формах [14, р. 2–3]. Кроме того, для выстраивания наиболее объемной картины следует сочетать синхронный и диахронный аспекты сравнения, т. е. сопоставлять изучаемый предмет как

с современными ему, так и с предшествующими или последующими, но имеющими сходные параметры явлениями.

Взглянем на перечень европейских образчиков жестокости XVI в., с помощью которого один из интернет-авторов С. Смирнов упрекает гонителей Грозного: «В 1572 году во время Варфоломеевской ночи во Франции перебито свыше 30 000 протестантов. В Англии за первую половину XVI века было повешено только за бродяжничество 70 000 человек. В Германии при подавлении крестьянского восстания 1525 года казнили более 100 000 человек. Герцог Альба уничтожил при взятии Антверпена 8 000 и в Гарлеме 20 000 человек, а всего в Нидерландах испанцы убили около 100 000 человек» [4]. Н. Скуратов добавляет к этому: «Тогда же в самой Испании восставшие крещеные арабы истреблялись вообще без счета, а немногим позже до 300 тысяч арабов-морисков были убиты, обращены в рабство или изгнаны из страны» [5].

Все ли из приведенных фактов могут быть сопоставлены с опричниной Ивана IV? Начать следует с того, что они должны подвергнуться тщательной перепроверке. Оговорки по поводу Варфоломеевской ночи были приведены выше. Число жертв крестьянской войны в Германии названо верно, однако речь не о казненных, но об общем количестве погибших в ходе двухлетней войны³. Касательно жертв взятия Гарлема А. Пиренн называет совсем иную цифру: «На этот раз Альба захотел показать народу пример королевского милосердия. Поэтому он расстрелял всех французских, валлонских и английских солдат в количестве 2 300, находившихся в городе, но в отношении городского населения ограничился 5 или 6 казнями и контрибуцией 100 тыс. экю...» [16, с. 160]. Проверить названную численность казненных за бродяжничество в Англии мне не удалось, так как ни в «Истории Европы», ни в монографии В. В. Штокмар «История Англии в средние века», где подробно прослеживаются обстоятельства введения и функционирования «кровавого законодательства», таких подсчетов нет. Однако цифра в 70 000 вызывает сомнение, так как статуты против бродяжничества

² И если в данном случае мы можем заподозрить составителя официальной летописи (как и А. А. Матвеева, сына казненного стрельца-ми «канцлера» Артамона Сергеевича, оставившего сходные зарисовки [см.: 12, с. 377–378] в преувеличении, то это подозрение исчезает при прочтении следующих строк, автором которых является Сильвестр Медведев, сторонник царевны Софьи, пришедшей к власти благодаря умелым манипуляциям стрельцами: «Убивших же тамо, с высококости из палат телеса на землю бросали зело немилосердно, и на земле уже мертвыя тела, ободрав всю одежду, немилостиво секли бердыши и кололи копиями. <...> Егда же кого убьют, бросают с красного крыльца, взем за ноги и вонзя копыи в тело, и влекут по улице в Спасские и в Никольские ворота на красную площадь, и пред телом влекомым и копии бодомым текуще злые убийцы, яко честь творяше, вопияху гласы великими: „се боярин Артемон Сергеевич! се боярин Ромодановский! се Долгорукой! се думной едет! дайте дорогу?“ И повергше на красной площади пред Спасскими ворота у лобнаго места, сечаху во многие бердыши мертвое тело ругательно, и пресекше с костьми в малейшия частицы, яко отнюдь не возможно знать, что человеки то были, тако отхождаху; не точию же сами они стрельцы кричаху в том деле, яко согласующе: „любю, люблю, люблю“, но и иным, кто идет, повелевали тоже люблю кричати; а кто тако кричати не хотел, и того изменником нарицаху, иных же и били» [13, с. 13–14].

³ «...Если в 1524–1525 гг. за оружие взялись более 200 тыс. человек, то примерно половина из них поплатились за это жизнью» [15, с. 364].

ства, как правило, предусматривали смертную казнь лишь в крайнем случае [17, гл. 9]. Относительно репрессий против морисков некорректно суммированы (это часто бывает даже в работах серьезных ученых) через запятую совершенно различные по степени жестокости виды наказания (подавляющее большинство все же были «всего лишь» изгнаны из страны).

Испанский материал дает возможность сделать еще одну оговорку. Среди апологетов Грозного немало и таких, кто, не отвергая полностью обвинений его в крайней жесткости действий, оправдывают ее совершенно в духе самого царя исторической необходимостью искоренения «крамолы» в среде боярства или новгородцев. Весьма характерно замечание А. Елисеева, цитированного выше интернет-автора: «Точно такая же ситуация и с Иосифом Сталиным, который в 30-х годах противостоял и троцкиствующими фанатам мировой революции, и зарвавшимся вотчинникам-бюрократам. У его врагов тоже были свои „военные слуги, боевые холопы“. Ветер истории безжалостен для тех, кто идет против русской исторической правды. Он снесет весь мусор с могил Государей и Вождей» [2]. Однако рассуждающий в такой парадигме гипотетический «адвокат» «испанской ярости» (как называли сами победители разграбление Антверпена в 1576 г.) мог бы обосновать действия испанцев «неподобающим» поведением жителей Нидерландов. По отзыву А. Пиренна, так называемые лесные гёзы, или лесные братья, «бродят по Нижней Фландрии и области Турне; они пугают население, живут за счет бедняков и, обуреваемые жаждой земли, грабят дотла церкви и убивают священников, попадающихся им в руки» [16, с. 131]. Оправдать, в таком случае, можно было бы и Филиппа II, виновника репрессий против морисков, которые, между прочим, последовали за масштабным восстанием последних. Мятежные мориски проявляли, если верить испанским историкам, изуверскую жестокость, расправляясь с христианами [18, с. 321–322]. Более того, после подавления восстания 1571 г., мориски не сдались и «устанавливали связи с османами, гугенотами, „фландрскими лютеранами“» [15, с. 334]. Чем не мятежные новгородцы и предатели-бояре? (И не так важно, при таком образе мыслей, что до бунта морисков их довели преследования властей.)

Но вернемся к принципам отбора объектов сравнения. В случае Крестьянской войны в Германии мы имеем дело с гражданской войной, но не с планомерным истреблением части населения страны ее руководством. Жесточайшая политика испанской короны в Нидерландах проводилась в рамках войны (собственно, национально-освободительной войной считают события XVI в. сами

голландцы), в которой захватчики уничтожали непокорное население завоеванных территорий. Мориски для религиозно-ориентированного испанского общества, лишь недавно завершившего Реконкисту, также всегда оставались «чужим» элементом общества.

Сказанное нисколько не умаляет трагизма происходившего в названных странах, однако в основном эти примеры не являются адекватным материалом для сравнения с политикой Ивана Грозного. Ведь и англичане, вводя в действие «кровавое законодательство», подвергали наказанию на его основе лишь за его нарушение, не имея целью жестокие расправы как таковые (становящееся на капиталистические рельсы английское государство нуждалось в наемных рабочих, а не в истреблении подданных).

В случае Ивана дело не в количестве жертв, а в стиле его поведения как человека и монарха. Грозный был склонен уничтожать не только и, может быть, не столько реальных, но и мнимых врагов (настоящие специалисты, исследователи эпохи, не находят подтверждений заговорам и многочисленным предательствам). Более того, он искал виновных и карал их, когда сам совершал промахи.

Конечно, примеры жестоких расправ над подданными можно встретить в биографиях самых разных правителей. Так, напуганный устрашающим поведением толпы, предьявлявшей ему свои требования в ходе известного Медного бунта, царь Алексей Михайлович кликнул стрельцов, которые учинили над нею жестокую расправу. В дни бунта и в ходе розыска погибли около тысячи человек, многие были наказаны отсечением рук и ног, урезанием языка, клеймением [19, с. 522]. И это при том, что настоящими мятежниками являлись не более двух сотен, остальные же были лишь любопытными зеваками. Такая преувеличенная реакция на угрозу характерна, по наблюдениям К. Хорни, для невротических личностей. (Состояние невротизма способно охватывать в определенные исторические периоды и общество в целом.) При этом для Ивана Грозного подобного рода эксцессы являлись житейской «нормой» [20, гл. 3].

Адекватными объектами для сравнения при изучении личного и политического поведения Ивана IV могут быть другие монархи раннего Нового времени, периода, даже в России ставшего переходным, если не от феодализма к капитализму, то обязательно от средневековой раздробленности к жесткой централизации, сопровождавшейся усилением власти монарха. Это могут быть и Людовик XI Французский, и Генрих VIII Английский, и тот же Алексей Михайлович, и его сын

Пётр I. При этом наличие аналогов не снимает вопросов о «нормальности» Ивана.

Безусловно, исторические обстоятельства в значительной мере влияют на образ мысли и действия людей⁴, однако сравнительный анализ позволяет выявить их вариативность внутри конкретного общества, дабы определить уровень социокультурной «нормы». (Следует помнить, и на это указывают психологи, об историчности представлений о «нормальном» и «отклоняющемся» поведении.) Дабы не перегружать данное сообщение большим количеством фактов, проиллюстрирую сказанное, сославшись на уже упоминавшееся событие – восстание морисков. Его история показывает, что жестокая расправа над мятежниками не была в тогдашнем испанском обществе единственным вариантом действий. Направленный на подавление восстания Лопес де Мендоса маркиз де Мондехар, генерал-губернатор Андалусии, «не допускал грабежей, насилия над пленными женщинами и избияния детей и стариков», вследствие чего «деятельность его подверглась серьезной критике», и правительством было отдано указание продать всех пленных морисков в рабство [18, с. 322]. (Буквально «затюканный» обвинениями в излишней «гуманности» де Мондехар был вынужден продемонстрировать «лояльность» короне, приказав поголовно уничтожить жителей одного из взятых им населенных пунктов [18, с. 323].) Таким образом, высокий уровень жестокости не был общепринятым среди испанской элиты, хотя и, видимо, все-

таки преобладал⁵. То есть мы имеем возможность, пусть на единичных примерах, констатировать первые ростки цивилизации в понимании Н. Элиаса как процесса нарастания рациональности поведения, сопровождавшегося подавлением его аффективной составляющей.

Итак, очередная ревизия знаний о прошлом, которую мы наблюдаем сегодня в России, которая, будучи сама по себе явлением необходимым, часто основывается не на накоплении новых фактов или качественном использовании профессиональных приемов, но на эмоциях и политических веяниях, является наглядным проявлением кризиса исторического сознания российского общества. Профессиональное сообщество историков должно, насколько это возможно, ставить если не барьеры (в условиях повсеместного распространения интернета это невозможно), то своего рода ментальные фильтры на каналы информации о прошлом. Одним из наиболее действенных способов верификации выводов, получаемых в ходе анализа «горячих» тем, особенно в случае их слабой или односторонней освещенности в источниках, является последовательное применение историко-сравнительного метода, позволяющего, как это было продемонстрировано на примере Ивана Грозного, при грамотном критическом отборе фактов, корректировать имеющиеся взгляды на деятельность тех или иных исторических личностей, а также выверять и обосновывать их на строго научной основе, снижая степень мифологизации исторического знания.

Список источников и литературы

1. Толчев И. А. Преступление, которого не было? О трагической судьбе сына Ивана Грозного // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. 6–7 мая 2013 года / гл. ред. Д. В. Чарыков. Челябинск: Изд-во ЗАО «Цицера», 2013. С. 87–94.
2. Елисеев А. Новый взгляд на царствование Ивана Грозного // Newsland. Электрон. дан. [Б. м., 2014]. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/551216/> (дата обращения: 09.10.2014).
3. Тюрин А. В. Информация о владельце раздела // Библиотека Максима Мошкова. Электрон. дан. [Б. м., 2014]. URL: http://fan.lib.ru/t/turin_a_w/about.shtml (дата обращения: 09.10.2014).
4. Смирнов С. Опричное братство // Спецназ России. 2014. № 11 (2017). Ноябрь. Электрон. дан. [Б. м., б. г.]. URL: <http://www.specnaz.ru/articles/191/8/1665.htm> (дата обращения: 09.10.2014).
5. Скуратов Н. Иван Грозный – взгляд на время царствования с точки зрения укрепления государства Российского // Всемирная история в лицах. Электрон. дан. [Б. м., 2000–2014]. URL: <http://vivi.ru/grozny/nskuratov.php> (дата обращения: 09.10.2014).
6. Белый царь. Метафизика власти в русской мысли: хрестоматия / сост. и коммент. А. Л. Доброхотова. М.: МАКС-Пресс, 2001. 582 с.
7. Первое послание Ивана Грозного Курбскому. 1-я пространная редакция // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст. подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков; отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1979. С. 12–52.

⁴ Так, при сравнении принципов политического поведения российских и западноевропейских монархов следует учитывать цивилизационную специфику властного кода в Западной Европе и России. В европейских странах авторитарные наклонности монархов ограничивались различными представительными институтами, сохранявшими свое значение в той или иной мере даже в эпоху так называемого абсолютизма. Российское самодержавие в XVI–XVIII вв. фактически не знало писаных ограничений (см. об этом подр.: [21]).

⁵ В качестве сходной ситуации приходит на память история стрелецкого розыска 1698–1699 гг. в России, когда Пётр I оказался недоволен результатами расследования, проведенного в его отсутствие. Руководивший первой стадией следствия боярин А. С. Шеин приказал казнить 122 человека [22, с. 88]. По результатам розыска, проведенного в дальнейшем самим царем, было казнено более тысячи стрельцов, что стало первым камнем в основание его образа жестокого тирана.

8. Флоря Б. Н. Иван Грозный. М.: Молодая гв., 2003. 403 с.
9. Плешкова С. Л. Реальности и мифы Варфоломеевской ночи // Вопр. истории. 1998. № 8. С. 114–124.
10. Ле Руа Ладюри Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460–1610 / пер. с фр. Е. Н. Корендясова и В. А. Павлова. М.: Междунар. отн-я, 2004. 416 с.
11. Летописец 1619–1691 гг. // ПСРЛ / отв. ред. Б. А. Рыбаков; ред. тома В. И. Буганов. М.: Наука, 1968. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. С. 180–205.
12. Матвеев А. А. Записки // Рождение империи / Известный автор, И. Корб, И. Желябужский, А. Матвеев. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 359–414.
13. Записки Сильвестра Медведева // Записки русских людей. События времен Петра Великого / сост. И. П. Сахаров. СПб.: Типография Сахарова, 1841. С. 1–62.
14. Kocka J. Comparison and Beyond: Traditions, Scope, and Perspectives Of Comparative History / J. Kocka, H.-G. Haupt // Comparative and Transnational History. Central European Approaches and New Perspectives / ed. by J. Kocka and H.-G. Haupt. New York; Oxford: Berghahn Books, 2009. Pp. 1–30.
15. История Европы: в 8 томах / отв. ред. Л. Т. Мильская, В. И. Рутенбург. М.: Наука, 1993. Т. 3: От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). 656 с.
16. Пиренн А. Нидерландская революция / пер. Ф. А. Коган-Бернштейн; ред. и введ. ст. Е. А. Косминского. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 572 с.
17. Штокмар В. В. История Англии в средние века. 2-е изд., доп. СПб.: Алетейя, 2005. 203 с.
18. Будур Н. В. Повседневная жизнь инквизиции в Средние века. М.: Молодая гв., 2011. 374 с.
19. Андреев И. Л. Алексей Михайлович. М.: Молодая гв., 2006. 638 с.
20. Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. 410 с.
21. Мухин О. Н. Абсолютизм vs самодержавие: еще раз к дефиниции понятий // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 2 (130). С. 142–149.
22. Павленко Н. И. Пётр Великий. М.: Мысль, 1994. 591 с.

Мухин О. Н., кандидат исторических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: himan1@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 22.12.2014.

O. N. Mukhin

POWER/MYTH/HISTORIOGRAPHY: ONCE AGAIN ABOUT THE NECESSITY OF COMPARISON IN HISTORICAL RESEARCH

The article deals with the problem of revision of the views and interpretations of the Russian history “hot” topics, based on non-scientific political and emotional factors, which is one of the manifestations of the society historical consciousness crisis. Particular attention is given to reduction of the level of critical attitude towards historical information caused by the spread of the Internet. On the example of the character of Ivan the Terrible it shows the necessity and possibility of findings’ verification in a situation of insufficient source base by successive application of historical-comparative method. Identifies the main methodological criteria to select objects and data sources for historical-comparative study.

Key words: *early modern times, Ivan IV the Terrible, monarchy, historiography, historical-comparative method.*

References

1. Tolchev I. A. Prestuplenie, kotorogo ne bylo? O tragicheskoy sud'be syna Ivana Groznogo [Crimes which were not? On the tragic fate of Ivan's the Terrible son]. *Traditsionnye obshchestva: neizvestnoe proshloe : Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 6–7 maya 2013 goda* [Traditional societies: unknown past : Proceedings of the IX International scientific-practical conference on 6-7 May 2013]. Chelyabinsk: “Tsitsero” Publ., 2013, pp. 87–94 (in Russian).
2. Eliseev A. *New look at the reign of Ivan the Terrible. Information and discussion portal “Newsland”*. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/551216/> (accessed 10 September 2014) (in Russian).
3. Tyurin A. V. *Owner section information. Maxim Moshkov Library*. URL: http://fan.lib.ru/t/tyurin_a_w/about.shtml (accessed 10 September 2014) (in Russian).
4. Smirnov S. [Oprichny Brotherhood]. *Spetsnaz Rossii*, 2014, no. 11 (2017) URL: <http://www.specnaz.ru/articles/191/8/1665.htm> (accessed 9 October 2014) (in Russian).
5. Skuratov N. Ivan the Terrible – a look at the reign in terms of strengthening the Russian state. *Portal “World History in Faces”*. URL: <http://vivi.ru/grozny/nskuratov.php> (accessed 9 October 2014) (in Russian).

6. *Belyy tsar'. Metafizika vlasti v russkoy mysli: hrestomatiya* [White tsar. Metaphysics of power in Russian thought: reader]. Moscow, MAKS Press Publ., 2001. 582 p. (in Russian).
7. *Pervoe poslanie Ivana Groznogo Kurbskomu. Pervaya prostrannaya redaktsiya* [First Epistle of Ivan the Terrible to Kurbsky. 1-st edition lengthy]. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [Correspondence of Ivan the Terrible with Andrew Kurbski]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. Pp. 12–52 (in Russian).
8. Florya B. N. *Ivan Groznyy* [Ivan the Terrible]. Moscow, Molodaya Gvardia Publ., 2003. 403 p. (in Russian).
9. Pleshkova S. L. Real'nosti i mify Varfolomeevskoy nochi [Reality and myths of Massacre of St. Bartholomew]. *Voprosy istorii*, 1998, no. 8, pp. 114–124 (in Russian).
10. Le Roy Ladurie E. L'État royal. De Louis XI à Henry IV (1460–1610). Paris: Hachette, 1987. 357 p. (Russ. ed.: *Istoriya Frantsii. Korolevskaya Frantsiya. Ot Lyudovika XI do Genrikha IV. 1460–1610*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004. 416 p.).
11. *Letopisets 1619–1691 gg.* [Chronicle of 1619–1691 years]. *Polnoye sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Nauka Publ., 1968. Vol. 31. Pp. 180–205 (in Russian).
12. Matveev A. A. Zapiski [Notes]. *Rozhdenie imperii* [The Birth of Empire]. Moscow, Fond Sergeya Dubova Publ., 1997. Pp. 359–414 (in Russian).
13. Zapiski Silvestra Medvedeva [Sylvester Medvedev's Notes]. *Zapiski russkikh ludey. Sobytiya vremen Petra Velikogo* [Notes of the Russian people. Events of Peter the Great's Times]. St. Petersburg, Tipografiya Sakhara Publ., 1841. Pp. 1–62 (in Russian).
14. Kocka J., Haupt H.-G. Comparison and Beyond: Traditions, Scope, and Perspectives Of Comparative History. *Comparative and Transnational History. Central European Approaches and New Perspectives* / ed. by J. Kocka and H.-G. Haupt. New York; Oxford: Berghahn Books, 2009. Pp. 1–30.
15. *Istoriya Evropy: v 8 tomakh* [The history of Europe: 8 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1993. Vol. 3. 656 p. (in Russian).
16. Pyrenne H. Histoire de Belgique: 7 t. Bruxelles: M. Hamertin, 1923, t. III. 511 p.; 1927, t. IV. 497 p. (Russ. ed.: *Niderlandskaya revolyutsiya*. Moscow, Gos. sotsial'no-ekonomicheskoe izd-vo Publ., 1937. 572 p.) (in Russian).
17. Shtockmar V. V. *Istoriya Anglii v srednie veka* [History of England in the Middle Ages]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2005. 203 p. (in Russian).
18. Budur N. V. *Povsednevnyaya zhizn' inkvizitsii v srednie veka* [Daily life of the Inquisition in the Middle Ages]. Moscow, Molodaya Gvardia Publ., 2011. 374 p. (in Russian).
19. Andreev I. L. *Alexey Mikhaylovich* [Alexey Mikhailovich]. Moscow, Molodaya Gvardia Publ., 2006. 638 p. (in Russian).
20. Nikolaeva I. Yu. *Polidistsiplinarnyy sintez i verifikatsia v istorii* [Multidisciplinary synthesis and verification in history]. Tomsk, Izd-vo Tom. Gos. un-ta Publ., 2010. 410 p. (in Russian).
21. Mukhin O. N. Absolutizm vs samodержavie: eshche raz k definitsii ponyatiy [Absolutism vs Samoderzhavie: once again to the definition of concepts]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2013, no. 2 (130), pp. 142–149 (in Russian).
22. Pavlenko N. I. *Petr Velikiy* [Peter the Great]. Moscow, Misl' Publ., 1994. 591 p. (in Russian).

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: himan1@rambler.ru